

Дорожная библиотека альманаха-навигатора
«ПАРОВОЗЪ»

Наталия Перевезенцева

П А С С А Ж И Р К А

УДК 821. Перевезенцева Н. А.
ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5
П27

*Издано при поддержке Министерства культуры
Российской Федерации
и Союза российских писателей*

Редакционная коллегия:
С. В. Василенко (главный редактор),
В. С. Кизило, В. Н. Мисюк, В. И. Стрелец
Художественное оформление: *Екатерина Арт (Омельченко),
Павел Маркин (Ёж)*

Перевезенцева, Наталия.
П27 Пассажирка / Наталия Перевезенцева. — М.: Союз российских писателей, 2017. — 64 с. — (Дорожная библиотека альманаха-навигатора «Паровозъ»)

Наталия Перевезенцева собрала в этой книге стихи о любви, о человеческой трагедии, когда любимый человек уходит навсегда. Остаются воспоминания — светлые и не очень, веселые и грустные — словом, разные. Но пока мы помним — мы живем. И продолжает жить тот, кого уже нет.

ISBN 978-5-98147-101-8

УДК 821.Перевезенцева Н. А.
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5

© Перевезенцева Н. А., 2017
© Союз российских писателей, 2017
© Екатерина Арт, Павел Маркин
(Ёж), оформление, 2017
ISBN 978-5-98147-101-8

* * *

*А поезд грохочет над темной широкой рекой.
И что-то хрипит репродуктора голос ночной
на станции, имя которой навряд ли прочесть
в железнодорожной элегии будете честь
иметь, господа...
Начинается рокот колес,
и вечные жалобы на перекос и износ
сцеплений и соединений, фрамуг и осей,
и каждая втулка о горькой судьбине своей
поведать спешит, словно грешница в адском кругу.
Я здесь пассажирка, я здесь ничего не могу.
В какой-то конструкции шаткой (назвать не решусь)
я тоже вращаюсь, я тоже держу и держусь.
Мне страшно, особенно ночью, чуть менее — днем.
Мой поезд грохочет, быть может, последним мостом.
Но если бы верить (а лучше б, наверное, знать),
что рядом со мной не устанут держаться, держать,
возможно — со стоном, со скрипом —
но вместе со мной,*

Наталия Перевезенцева

*и что никаким перегонам... И, Боже ты мой!
всего-то и будет — смертельная близость воды,
и снежного леса виденье, и белой звезды
спасительный луч, по которому — вместо моста,
когда в безымянную реку сорвется состав.*

I. Вполоборота

Петербургская любовь

У петербургской любви не бывает жилья,
угол какой-нибудь, ситцевые занавески.
Пьяные слезы, чахотка, большая семья,
ну и так далее... Все описал Достоевский.

Так, совершенно измучив себя и его,
требуя правды, но правде не веря при этом,
слезы со смехом мешать, у Пяти пресловутых углов
кликнуть извозчика, мелкую сунуть монету.

И фонари в дождевом ореоле стоят,
вечно забрызганы грязью чулки с башмаками...
«Что ты, извозчик?..» — «Ах, барышня, едем назад.
Что вы там прячете в муфте?.. Наплачешься с вами...»

Бедный извозчик, от ужаса спавший с лица,
самоубийцу везет к монастырской больнице...
У петербургской любви — только оттиск свинца,
только свинца типографского оттиск
на белой странице.

Пассажирка

Картина в духе Брейтеля

Здесь церковь, и мостик, с вязанкою дров
служанка, и возчик с упряжкой волов,
молочник с бидоном, ребенок с юлой,
и горы, и птицы и — Боже ты мой! —
охотники с гор, и хозяйки с базара,
мальчишки с коньками, торговцы с товаром, —
и с шумом, и молча, вприпрыжку, степенно,
по улочкам узким, извилистым стенам,
полям и дорогам, горам и равнинам,
в движенье, круженье... Но с краю картины
почти незаметны, нелепы, случайны
две маленьких тени, застывших в молчанье.

Под крупными хлопьями мокрого снега
в голландском, фламандском, российском — Бог
ведал —
в каком городке... Два движения кисти,
художник заплачет, а зритель присвистнет.
И подпись художник внизу начертает,
а имя второе — никто не узнает.

* * *

За тем окном живет семья чужая.
Я знаю этих штор зеленый цвет.
Я знаю: если люстру зажигают —
к ним гость, а если лампу — гостя нет.

Чужая жизнь, моей не задевая,
течет себе; а те, кто там в окне...
Один из них меня не вспоминает,
другая — и не знает обо мне.

* * *

Город, отмеченный литературой.
Каждая часть — из какой-то книги.
Сад ли зеленый, дворец ли бурый,
храмы ль, каких иностранных религий.

Даже фонарь на мосту Храповицком,
даже обитель умалишенных...
Неутомимо шуршат страницы,
неумолим переплет запыленный.

Свечка, горящая в медном шандале...
Полночь... У дома такси тормозило...
Пили вино и свечу задували...
Плакали... Утро за шторой сквозило...

Пьяный актер... Белошвейка... Какому
веку припишем банальность сюжета?...
Может, случается все по-другому...
Только не с нами... Не в городе этом.

* * *

Убивший ласточку возмездья не боится,
и призраков не видит по углам.
Она была душой? любовью? птицей? —
теперь неважно — кем она была.

Убивший ласточку приходит в дом старинный,
где зеркала хранят ее полет.
Он говорит темно, умно и длинно,
и знает, что никто не оборвет

его речей... И что вернется снова
сюда же он — но сгинул шелест крыл...
Мне жаль его. Но не скажу ни слова.
Он ласточку убил.

* * *

Вино урожая счастливого года...
Вот на этикетке прочитана дата,
и память скользнула в прозрачные воды
реки, что кружила и мчала когда-то
нас — только влюбленных и невиноватых.

А там, в виноградниках у Кечкемета,
тяжелые кисти на лозах повисли.
Клонилось к закату огромное лето
и перетекало в божественный рислинг.

Процесс виноделия не изучала,
но видела — в книге, в кино ли — не знаю:
идет винодел седоусый подвалом,
на грифельных досках года помечая.

И все, что случилось единственным летом, —
светило ли солнце, дожди ль выпадали, —
потом называется винным букетом,
достойным восторга, диплома, медали.

Три года вино созревало в подвале,
три года мы жили любовью бездомной.
Что мы позабыли, что мы потеряли,
сегодня вино воскресит и напомним.

И Бог седоусый в переднике синем, —
он списки проверит, он сделает сноски,
и все, что с тобой и со мною отныне
случится — запишет на разные доски.

Пока еще ночь продолжается наша,
и день не принес безотрадной свободы,
мы выпьем последнюю, светлую чашу
вина урожая счастливого года.

* * *

Гудок, растерзанный в ночи.
Так дальний пароход,
когда уже — молчи, молчи! —
идет кормой вперед.
И раз-во-ра-чи-ва-ет-ся,
и ухаает вода,
и лампа-дрица-ца-ца-ца —
мотивчик навсегда.
Качался старенький фонарь
и ветер голосил.
Уж лучше бы — убей! ударь —
так из последних сил
кричал нам ржавый пароход,
чтоб в поздний рейс скорей
сорваться, отказавшись от
надежных якорей.
Я все придумала, прости,
их не было и нет,
особенно меня, в горсти
сминающей билет.
Ни желтых листьев ноября,
ни дальнего гудка...
Остались только якоря,
что держат нас пока.

Баллада

У каждого свой постоянный двор,
и свой времени ход.
Твоим приятелем будет вор,
судьбу цыганка наврет.
А пиво пеной плеснет на стол,
хозяин выставит счет.
И все, зачем ты сюда зашел,
с пеной пивной уйдет.
С какой виной, за какой судьбой
ты здесь коротаешь ночь?
Цыганка и пиво, вечерний отбой,
ну а наутро — прочь
пойдешь по дороге, пьяный и злой,
обманутый, обворов...
Уже не пустят тебя на постой
ни в один из других дворов.
А пиво — пеной, а вор — в карман,
а цыганка, за руку — хватать!
Напрасно зорю пробьет барабан,
тебе его не услышать.
Хозяин пиво твое допьет,
цыганке заплатит вор
твоим золотым — за то, что врет,
как всем врал до сих пор.

Но солнца лучи — по стеклу вразнобой,
и монета об пол звенит,
и вдогон цыганка бежит за тобой,
как ни за кем — бежит.
Быть может, ее безрассудство — вздор,
быть может, опять совет...
Но это твой постоянный двор,
и твой времени ход.

* * *

«Идущий северным путем...» —
какая медленная фраза
...Подходит к берегу паром
и обрывает нить рассказа,
который странница вела.
Сейчас она сойдет на пристань,
перекрестясь на купола,
оглядывая берег низкий.

«Идущий северным путем...»
Над Волховом темнеют тучи.
И ветер с Ладоги, и дом
у крепости над самой кручей —
ты это вспомнишь, но потом,
когда замрешь, дышать не смея,
увидев вышивку крестом
в этнографическом музее.

СНЫ

Послушай, меня огорчает
пустая ухмылка луны,
и ветер, что ветку качает,
мотает — к стене, от стены.
Сдирая сухую известку,
как ногтем ведет по стене,
и скрежет тот, нервный и жесткий,
он вовсе не нравится мне.
А сны возникают попарно,
и снятся один за другим...
Так в Сену вливается Марна,
так в небо взвивается дым.
С подсветкою лунного света
на мятом экране стены...
— Я вроде бы видела это...
— Тогда это были не сны...
Но оторопь длится ночная,
и тени покинули дом.
Какое кино — и какая
вина — засыпая, пойдем.

* * *

Какая долгая дорога,
какая снежная страна,
та, что обильна и убога,
та, что теперь разделена
заборами... Сказать: «граница»
и не хочу и не могу.
...Стучат колеса, поезд мчится,
не различая на бегу,
где самостийной Украины
земля, где — русские края...
Вокзал с остатками лепнины,
подслеповатая семья
пятиэтажек грязно-белых,
линялых лозунгов тряпье,
ларьки, забитые фанерой...
Где здесь «твое», а где — «мое»?
Кому показывать свой норов?..
И воют в страхе и тоске
по обе стороны забора
псы — на едином языке.

* * *

И красная, и желтая звезда,
и полумесяц на зеленом фоне...
Светил небесных сходит череда
в кровавое людское беззаконье.

И вот они на флагах и в гербах,
и вот они пылают грозным светом...
— Сестра моя, мы были в небесах
другими, помнишь?
— Брат мой, как же это?..

Зачем лежат в руинах города,
и ветер шелестит пустой соломой...
Ведь Господу угодна лишь звезда,
которая встает над спящим домом.

* * *

Рассказ о любви: офицер, актриса,
эйфория победы, конец войны...
Но офицер из одной страны,
она — из другой... И приходят крысы
в погонах ли, в штатском... Дитя отберут,
названное в честь Великой Победы.
Тюрьма, убийство, отъезд... Голливуд
какой-то, а не семейные беды, —
так сказал американец, прочтя журнал,
так сказала шведка, пожав плечами.
А тот, кто ничего не сказал,
это мой соотечественник... За нами,
за каждым — такой семейный сюжет,
такой полыхающий красный свет,
такие крысы под каждой дверью,
что западный житель, прочтя рассказ,
может быть, пожалеет нас,
но в глубине души — не поверит.

* * *

Я уже не умру молодой,
этой чашей меня обнесли.
...Полустанок, заросший травой,
шум колес затихает вдали.
Даже в самый последний вагон
не вскочить... Не догнать, не успеть...
Под галдеж станционных ворон
остается стоять и смотреть,
как, тускнея, два красных огня,
исчезают за краем земли.
В этот поезд не взяли меня,
а родных — увезли.

* * *

Главное — успеть сжечь архивы,
чтобы ни словом, ни помыслом, никто, никогда
не коснулся дней моих — счастливых ли,
несчастливых,
не обжегся болью моей... Моего стыда
не был оценщиком... Любопытства ради
(даже если с пользой — что с того!)
не листал пожелтевшие эти тетради,
не учился на моих ошибках... Никому — ничего,
кроме избранных мест из переписки с друзьями,
перепутанных инициалов, перевернутых дат.
Позабудьте меня, не смотрите в пламя,
где мои архивы горят.

II. Черные бабочки

А. Д.

* * *

И фонарь раскачивается за окном,
и мечется снег в кармане двора-колодца.
Ты спишь, но во сне бормочешь о чем-то своем:
надо кого-то спасать, с кем-то бороться.

Вот мужская судьба: щит и меч,
даже во сне, даже с любимой рядом.
Что я могу? Коснуться напрягшихся плеч,
гладить их, целовать, шептать, что не надо,

что никого... только мы с тобой
и, может быть — снег...

Ты затихнешь во сне, а я шевельнуться не смею,
обнимая тебя, спасая от вся и всех...
Только от тебя самого — не сумею.

Пассажирка

* * *

Обещал присниться... Мы так шутили,
дескать, кто первым Туда попадет...
Обещание остается в силе.
Твой ход.

12.06.2011

Наталья Перевезенцева

* * *

Твой халат надеваю,
прижимаюсь щекой к рукаву.
Не скажу: умираю,
но уже не сказать, что живу.

Пассажирка

* * *

На Алексея-с гор вода
пускают мельницы всегда,
молчавшие зимой.
А будет му́ка иль мукá,
никто не ведает пока,
ни мертвый, ни живой.
Рокочут мельницы весь день
пока не ляжет ночи тень
и не взойдет звезда
над черной мельницей, над той
любовью, страстью ли, виной
сожженной навсегда.
Мне этот остов так знаком,
он был мой свет, он был мой дом,
была мука в горсти.
Как мне задвижку отворить
и снова... Нет, не жить, но быть,
проговорив: «Прости!».
И провернутся жернова,
и я должна найти слова...
А будет му́ка иль мукá
того не ведаю пока.

* * *

Я не хочу тебя забывать,
но они предают меня.
Не так поскрипывает кровать,
и свет на исходе дня
не так ложится на пыльный паркет,
и чайник не так кипит.
Все делают вид, что тебя нет,
и жизнь бежит, как бежит.

Потом забывает тело. Оно
прикидывается живым.
И подлая память с ним заодно,
кивая на мир и Рим,
меня уговаривает, что всегда
везде, испокон веков,
время проходит, уйдет черед
сумбурных, муторных снов.

Но я не хочу тебя забывать,
и переплавятся, как в котле,
разумных доводов грозная рать,
и все, что на этой скудной земле
еще оставлено мне: покой,
и тихий вечерний свет —
в последнюю радость — быть с тобой,
забыв, что тебя нет.

* * *

Между нашими мирами нет ни щелочки в стене,
но стоит только постучать, ты тотчас ответишь мне.
И дробится перестук то ли рук, то ли сердец,
на незаданный вопрос ты ответишь наконец.
Из моей тюрьмы в твою птицы белые летят.
Из твоей тюрьмы в мою — черный ворон, тусклый
взгляд.

Это значит — умер ты, это значит — я жива,
только «мертвый» и «живой» — это все слова, слова.
Бьюсь о стенку головой, кулаки сбиваю в кровь —
отзовись, не затихай, не пропадай, моя любовь.
Но глухой ответный стук все слабей день ото дня.
И я кричу: не уходи, погоди, дождись меня.

Наталья Перевезенцева

* * *

Летите, голуби, летите
в тот светлый рай, в тот дымный ад.
Найдите, голуби, найдите
того, кто очень виноват
передо мной... И если в силах
вы передать такую весть,
скажите — я его простила,
спросите — долго ли мне здесь?..

Пассажирка

* * *

Бабочек черных рой
запутался в занавеске.
Ты их прислал за мной?
Нет оснований веских
думать, что это твой
зов — в никуда повестка.
Ты их прислал за мной?
Дрогнула занавеска.

Наталья Перевезенцева

* * *

Ты хотел быть смотрителем маяка
на маленьком островке.
Чтобы подальше от материка,
чтобы не помнить о материке.

— А я? — А ты бы ко мне приплыла
на лодочке золотой.
И такие пошли бы у нас дела,
так бы зажили мы с тобой...

По ночам горит звезда твоего маяка;
белый луч тревожит, мечется, просит...
И лежит у воды на кромке песка
золотая лодочка без руля и весел.

Пассажирка

* * *

А вдруг там только поля, поля,
заросшие черными маками?
А вдруг там выжженная земля,
которую никто не оплакал?

И сердце заходится оттого,
что сгинем, как емь и весь.
А вдруг там нет никого, никого...
Но нет никого и здесь.

* * *

Я все поставила на кон —
и проиграла.
Кого любила — вышел вон..
Начать сначала?
Сомнительно... «Не те года», —
смеется осень.
Любовь случается тогда,
когда не просим.
Залива сумрачную гладь,
сминает ветер.
И ты пытаешься понять:
возможно ли — не проиграть
на этом свете?

* * *

Август — время романов,
яблок, меда, Плеяд.
Августовские раны —
навсегда, — говорят.
Понимая, что поздно,
что попутал их бес,
августовские звезды
убегают с небес.
В их безумном паденье
и в последнем огне
есть простое решенье,
недоступное мне.

Новогоднее

В Питере — пить,
в Питере — дождь,
в Питере жить
как — не поймешь.
Хлеба кусок, водки глоток,
и телефон, чтобы звонок
не пропустить, — из небытия
голос забытый: «Пора. Это я».

* * *

Двор проходной или дом проходной —
это по-нашему. Ветер сырой,
то ли болотный, то ли балтийский,
не остановишь искусным витийством.
Ибо сквозные у нас переходы
в доме, дворе и душе — а погоды
здесь ни при чем.
Только жалобно: «Чьи вы?» —
женщина, чайка ли спросит... Дожливо,
солнечно — но неизменно избиты
чувств проходных повороты, изгибы.

Наталья Перевезенцева

* * *

Быть одной — и большего не надо,
ничего другого не прошу.
Уходя в сырую зелень сада,
оборачиваться не спешу.
Переходит торная дорога
в узкую тропинку... И поверь:
быть одной — я меньшего у Бога
не возьму теперь.

III. После всего

Наталия Перевезенцева

* * *

Осенним яблокам,
гниющим в мокрой траве,
предпочла бы весенние,
но таких не бывает.
Впрочем, и весны давно уже не было.

Пассажирка

Попытка хокку

В чужом альбоме
лицо твое узнала.
Люблю, как прежде.

Наталья Перевезенцева

* * *

Розовый рассвет над нашей улицей
сопровождается грохотом мусорных баков
и перекличкой дворников на незнакомом языке.
...чужие танки вступили в город?

Пассажирка

Сюжеты

I. Мемуары

Чужую жизнь пройдя до половины,
не обольщайся, из нее не выйдешь.
Все эти свадьбы, роды и крестины,
весь этот инглиш, эспаньолос, идиш
тебя как черновик переинчат,
а может быть, сомнут или отбросят.
Чужим восходом будет день твой начат,
чужим закатом обернется осень.

2. Сериал

Нехорошие люди сидят у камина,
хорошие люди — просто у печки.
Нехорошие люди едят осетрину,
а хорошие — ловят плотвичку в речке.
Нехорошие девочки все в брюликах,
хорошие девочки — в платьях из ситца.
Нехорошие мальчики ездят на «бьюиках»,
а хорошим — на тракторе прокатиться б.
Но хороших девочек плохие мальчики
вдруг полюбят так, что даже не знаю.
А плохая девочка прикинется зайчиком,
и хорошего мальчика захоmueт.
Тут ворвутся менты, бандиты вмешаются,
девочки–мальчики отстреливаются из оврага.
В конце концов, они повенчаются
и начнется триллер (то есть семейная сага).

3. Вестерн

Ковбой, красotka и бандит —
сюжет избит.
В ночи свирепствует бандит,
ковбой с красotкою сидит
(лежит).
Достанет кольт, забыв о чести,
бандит, ковбой возьмет винчестер
надвинет стетсон — и в седло.
Потом обоим не свезло —
предсмертный хрип, койота вой...
Прощай бандит, прощай, ковбой.
С красotкою сидит другой
(лежит).

4. Средневековый детектив

В дождливом Уэльсе, зеленой Ирландии,
на севере диком туманной Шотландии
(рифма не очень, но ради истины...)
был монастырь. Озеро, пристани,
как полагается, стены, собор...
Библиотека в центральной башне.

Монах Ксаверий, замкнутый, грустный,
почти еретик, но травник искусный.
(Рифма опять не очень, но в те века
еще коряво складывалась строка
и пергаментов с хореем и ямбом
не нашлось бы в монастырской библиотеке).

Настоятельница соседнего монастыря,
румяная словно заря, но та еще фря,
гордая, как на небе луна,
заподозрена, ибо она
по мнению бдительной братии
слишком часто посещала библиотеку.

Женщина, как известно, сатанинский сосуд,
даже самые праведные из них лгут.
Под замок ее!.. Захлопнулись двери,
загрели засовы... И только Ксаверий

продолжает расследовать дело о
трупке в монастырской библиотеке.

Правда выходит на свет, но слишком поздно.
Факел в руке безумца сияет грозно.
Занимаются пергаменты, чадят переплеты,
осыпаются киноварь, лазурь, позолота.
Мудрость вековая — человечья, Божья,
горит в монастырской библиотеке.

В дождливом Уэльсе, зеленой Ирландии,
на севере диком туманной Шотландии
был монастырь... И наши герои
исчезают в тумане. Хорошо, что их двое.
Позади догорает библиотека.
Библиотеки всегда горят.

5. Интернет

Разве так суждено меж людьми?

Александр Блок

Приближается ночь, зажигается свет,
отступают реалии дня.
Мы вольны все забыть, подключить Интернет,
оседлать сетевого коня.
Это Бостон... Из прошлого рвется: «ответь»...
Это Хайфа, — «забудь... отпусти»...
По ночам раскаляется яростно Сеть
добела — от «прощай» до «прости».
Те, что были когда-то огня горячей
и роднее кого не найти,
тот, кто раньше — чужой, а сегодня — ничей, —
покаянно блуждают в Сети.
Разговор ни о чем, лет коней сетевых,
догони, воскреси, обними...
Разве нас уже нет в теплом мире живых?
разве *так* суждено меж людьми?
Фотографии внуков летят по Сети...
Обрывается связь, никого не найти...

* * *

Певица оперы, она права, права,
когда свой бархат расстилает перед нами.
«Люби, люби, пока ты можешь», — и трава
так зеленеет, словно не снегами
ее укутают, задушат, умертвят.
Я тоже в опере, я продолжаю соло:
«Люби, люби, пока любить ты рад...».
Маэстро, вам предоставляю слово.
Дорогу опере! Дорогу тем словам,
из повседневности изъятым, словно бархат!
«Люби, люби», — но кто смеется там,
противореча скрипке, альту, арфе?
Кто смеет так? ведь занавес упал,
погасли люстры, зачехлили кресла,
и красный с золотом заснул до завтра зал.
Да, он заснул. Но музыка — воскресла.
«Люби... пока», — смеешься пошловато.
Потом — ты вспомнишь, что тебя предупреждали
словами Фердинанда Фрейлиграта
в *Grand Opera* ли, в театрике в подвале
при жэке на 2-й Красноармейской...

Питерские блюзы

I. Летний классический блюз

В этом городе лето — словно могила,
глыбой льда телефонная книжка застыла,
не растопить ее
никому никогда
Я иду по улице, асфальт плавится,
все мужчины — атлеты, девы — красавицы,
но никто не позвонит
никому никогда.
Ничего нет страшнее нашего лета,
уезжайте, скрывайтесь, спасайтесь где-то,
но не оставайтесь,
ни за что, никогда.
Вас подхватят ритмы летнего джаза,
вы, наконец, поймете — с трудом, не сразу,
что никто — никому,
ничего, никогда.

3. Зимний совсем не блюз

Значит, это зима, а ты думала — осень.
Значит, пора, пора, и сейчас попросят
чинно собрать манатки — и с вещами на выход!
Только бы не перепутать: где чья выхухоль,
где чья облезлая норка, где траченный молью
воротник бобровый, шубка соболя.
Без мехов в нашем климате как-то уныло,
птица на лету, рыба во льду застыла.
Добрести до берлоги еле хватает сил.
Далее — тишина, снег посыпал и вход завалил.
До весны, до тепла, до соловьиного сада
долежать, додремать — а оно тебе надо?..

4. Весенний уж точно не блюз, a la russe

Лютики-цветочки у того в садочке,
кто его засеял.
А рыжая крапива, высохшая грива,
в остальной Расее.
Я бы продолжала тем же переплясом,
с той же дерзкой силой,
только вырван с мясом, уехал тарантасом
тот, кого любила.
Борщевик ветвится, скорый поезд мчится,
кот мяучит.
Слезы на иконе, духота в вагоне,
сумочка от Гуччи.
Эта сумочка-сума, выбрала ее сама.
Все сложила-уложила,
дальше — тьма.

* * *

Злость, ненависть, отчаяние,
отданные бумаге,
уходят в нее, как вода в песок.
Остаются только слова.

* * *

Жизнь моя, кинематограф,
черно-белое кино!

Юрий Левитанский

Жизнь моя — литература,
черно-белые листы.
Музы смутная фигура,
слабый свет из темноты.

Ну а если суше, проще,
без претензий и потуг:
жизнь моя — бумаги площадь,
строчек бег да лампы круг.

Площадь, ты была пустыней —
зной и мертвая вода.
И казалось, что отныне —
ничего и никогда.

Площадь, праздником и торгом
ты бывала час-другой.
Карусельные восторги,
тульский пряник расписной.

Я ни в дочери, ни в сыне
не продлюсь за край земной
жизни... И посередине
белой площади пустой

я веду следов цепочку,
черную диагональ.
И пока не ставлю точку.
Может, надо бы... Но жаль.

Наталья Перевезенцева

* * *

Я стала сентиментальна и зла,
жду подвоха от любого козла,
да и от подруг — ничего, кроме фиги.
Но как рыдаю в кладбищенской тишине,
или на концерте, где только мне
музыкант лабает что-нибудь из Респиги.
Все, кого любила (включая кота),
уже за чертой. Это та черта,
которую пересекают только раз.
Они меня манят издалека,
ну а с теми, кто здесь пока,
я в расчете. И свет погас.

Пассажирка

* * *

Солнечный луч в ненастье
рассеивающий полутьму...
У меня прививка от счастья,
я не поверю ему.

Наталья Перевезенцева

* * *

Как хорошо душе, она высоко
в каких-то горних плачет одиноко.
А по земле еще влачится тело
кряхтит и ставит ноги неумело.

Пассажирка

* * *

На чистые листы, взглянув едва,
я закрываю новую тетрадь.
Ведь я уже пережила слова,
которые могла бы написать.

* * *

Столетье уходит, уходит,
ведя за собой в поводу
обрывки стихов и мелодий,
рожденных в таком-то году.

«В таком-то» — а может — «в каком-то»,
«году» — но достаточно век
припомнить ближайшим потомкам
и больше не надобно вех.

До черточки время сожмется
меж двух окончательных дат.
Гранитная глыба качнется
и ляжет в незыблемый ряд.

Там все, что содеяно нами,
высокие наши слова...
Трава прорастает сквозь камень...
Живая... сквозь камень... трава...

* * *

*Если ты перестала писать стихи, тебя нет нигде.
Имя твое расходится, исчезает, словно круги по воде.
Выцветает тушь на свитке с птицею и звездой.
Не удивляйся ничему, оставайся сама собой.
Если тебя покинул голос, не отводи взгляд.
Попытайся смотреть вперед, не оглядывайся назад.
Где-то там впереди, мучительно далека,
горит, не остывает, единственная строка.
Ну, а быть ей началом или последней лишь —
это, как Бог рассудит, и ты решишь.*

СОДЕРЖАНИЕ

«А поезд грохочет над темной широкой рекой...» 3

I. ВПОЛОБОРОТА

Петербургская любовь	6
Картина в духе Брейгеля	7
«За тем окном живет семья чужая»	8
«Город, отмеченный литературой...»	9
«Убивший ласточку возмездья не боится...»	10
«Вино урожая счастливого года»	11
«Гудок растерзанный в ночи...»	13
Баллада «У каждого свой постоянный двор...»	14
«Идущий северным путем...»	16
Сны	17
«Какая долгая дорога...»	18
«И красная, и желтая звезда...»	19
«Рассказ о любви. Офицер, актриса...»	20
«Я уже не умру молодой...»	21
«Главное — успеть сжечь архивы...»	22

II. ЧЕРНЫЕ БАБОЧКИ

«И фонарь раскачивается за окном...»	24
«Обещал присниться. Мы так шутили...»	25
«Твой халат надеваю...»	26
«На Алексея-с гор вода...»	27
«Я не хочу тебя забывать...»	28
«Между нашими мирами нет ни щелочки в стене...»	29
«Летите, голуби, летите...»	30
«Бабочек черных рой...»	31
«Ты хотел быть зрителем маяка...»	32

«А вдруг там только поля, поля...»	33
«Я все поставила на кон...»	33
«Август — время романов...»	35
Новогоднее	36
«Двор проходной или дом проходной...»	37
«Быть одной — и большего не надо...»	38

III. ПОСЛЕ ВСЕГО

«Осенним яблокам...»	41
Попытка хокку	42
«Розовый рассвет над нашей улицей...»	43

Сюжеты

1. Мемуары	44
2. Сериал	45
3. Вестерн	46
4. Средневековый детектив	47
5. Интернет	49
«Певица оперы, она права, права...»	50

Питерские блюзы

1. Летний классический блюз	50
3. Зимний совсем не блюз	51
4. Весенний уж точно не блюз, a la russe	52
«Злость, ненависть, отчаяние...»	53
«Жизнь моя — литература...»	54
«Я стала сентиментальна и зла...»	56
«Солнечный луч в ненастье...»	57
«Как хорошо душе, она высоко...»	58
«На чистые листья, взглянув едва...»	59
«Столетье уходит, уходит...»	60
«Если ты перестала писать стихи, тебя нет нигде...»	61

Литературно-художественное издание

Наталья Анатольевна Перевезенцева

ПАССАЖИРКА

ISBN 978-5-98147-101-8

9 785981 471018 >

Редактор *В. С. Кизило*

Корректор *Е. В. Разинкина*

Компьютерная верстка *Л. В. Васильева*

Подписано в печать 28.11.2017. Формат 70 × 108¹/₃₂.

Печ. л. 2. Тираж 300 экз. Заказ № 775.

Приобрести книгу автора можно
в Союзе российских писателей:
Москва, ул. Поварская, д. 52, офис 32;
возможна рассылка наложенным платежом;
e-mail: vsrp@mail.ru;
тел. для справок: +7 (495) 691-03-45

Отпечатано в типографии «Политехника-сервис».
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр, 18-д.